

Им быстро сковали руки браслетами-фиксаторами. У Леры на роге осталась стальная гайка, через которую изредка вырывались искорки неконтролируемой энергии. Пони при этом болезненно морщилась: разряды вызывали неприятное покалывание в роге.

Джерри же просто посадили в снятую перчатку спецназовца так, что наружу торчала только голова, и слегка стянули застёжку.

Лифт тоже не работал, и все были вынуждены идти по лестнице. Вскоре начали встречаться люди. Кто-то организованно и спокойно, подсвечивая коммуникаторами дорогу, шёл к лестницам с зелёными фосфоресцирующими табличками «Выход». Кто-то оставался на рабочем месте.

Лестница казалась бесконечной. Лера пыталась считать этажи, но вскоре сбилась со счёта. Хорошо ещё, что шли вниз, а не вверх. Но ноги всё равно устали, да и человеческие лестницы были не слишком удобны для маленьких четвероногих существ вроде пони.

Когда их обгоняли группы клерков, те не рисковали завязывать разговор, хотя и провожали боевиков взглядом. Первое, чему учат в корпорации — не спрашивать о том, что тебя не касается.

Джерри обратил внимание, что коммуникаторы тех, кто оказывался на расстоянии нескольких метров, начинали гаснуть. Очевидно, работал генератор помех. Тайное подразделение должно было оставаться тайным.

— Лестер, что значит «как обычно»? — подала вдруг голос Элен Флаис.

Меченый отозвался со злорадной ухмылкой:

— Как ты знаешь, — сказал он, — биологические боксы во избежание распространения опасных форм жизни могут быть очищены плазмой. Полная стерилизация, температура несколько тысяч градусов... Но это уже после ментоскопии, когда вы всё равно ничего не будете понимать.

Лера повернулась к нему, и жёлтые глаза расширились от ужаса:

— Что? Вы... вы собираетесь нас убить?!

Джерри, сидящий в перчатке, протянул:

— Как будто были какие-то сомнения...

Меченый рассмеялся:

— Ты только сейчас поняла, лошадка? О, силы небесные, святая простота!

Очередные двери открылись. Белые коридоры научного блока встретили людей и синтетов запахом озона и медикаментов, гудением каких-то агрегатов.

Лабораторный комплекс, как и система внешней охраны, имел резервные источники питания: слишком серьёзными могли быть последствия системных сбоев.

Ли́ра, которую до глубины души потрясло, с какой лёгкостью их всех приговорили к смерти, пошла вперёд только когда в круп больно ткнули винтовкой. Единорожка от страха и безысходности впала в какой-то ступор. И сейчас она совершенно не представляла, что делать.

— Могу я надеяться, что нас по крайней мере пристрелят до того, как сожгут? — угрюмо спросил тем временем Виктор.

— В состоянии овоща погоды это не сделает, — фыркнул Меченый, — Шевелись давай.

Ли́ра после этих слов впала в состояние тихой паники. Когда-то она помогала Бон-Бон с приготовлением леденцов, и случайно пролила расплавленный сахар на ногу. Боль была ужасной, а шёрстка на ноге ещё долго не росла.

Представив нечто подобное на всё тело, пони почувствовала, как от ужаса подкашиваются ноги.

Джерри же думал, что подобная глупая затея — вступить в борьбу с корпорацией БРТО — и не могла закончиться никак иначе. С одинаковым безразличием повелители жизней подписали приговор и синтетам, и людям Шпи́лей. Последних просто заменяют копиями, и всё. И никто ничего не узнает. Потому что не будет искать.

Когда процессия оказалась в рекреации лабораторного комплекса, Лестер вдруг остановился и поднял руку со сжатым кулаком.

Несколько заставленных непонятным оборудованием боксов виднелись за стеной с большими голографическими панелями, заменявшими окна. Какие-то пустовали, и Виктор решил, что один из них и станет последним пристанищем пленников. По крайней мере, пока немногочисленные останки не уберёт специальный дроид.

— Здесь разве не должен быть персонал, сэр? — спросил какой-то из спецназовцев.

И словно в ответ на эти слова раздался крик, а из бокового коридора вылетело несколько тонких лазерных лучей, опалив стену.

Из рации Лестера донёлся статический треск, в котором слышался надсадный голос:

— Лестер!.. Синтет...

— Да-да, — раздражённо ответил Меченый, — я помню, что я синтет. Не стоит меня каждый раз тыкать в это носом. Зануда.

— ...вторжение!.. — сквозь помехи выдала рация.

— А вот это уже куда интересней. Я скоро вернусь, а пока держите их на мушке. Стрелять только по ногам, кто повредит головы — отправится следом, — Меченый вплотную приблизился к Элен и спросил: — Ты ведь будешь послушной девочкой?

— Конечно, — иронично отозвалась та, — Нас ведь ведут на смерть и нам, безусловно, есть что терять.

— Как же я обожаю это сердитое личико! — усмехнулся Лестер и наклонился ещё ближе, явно намереваясь поцеловать девушку.

— Ещё шаг, и тебе снова понадобятся услуги пластического хирурга, — сказала та, глядя синтету в глаза.

— Ты ведь до сих пор ко мне равнодушна, так ведь?

Не слушая замысловатого ругательства, прозвучавшего в ответ, Меченый пошёл вперёд. На ходу он поигрывал метательным ножом, одним из многих, что висели на двух перевязях. Пистолетом синтет пренебрёг — видимо, решив развлечься любимым занятием.

Он свернул за угол большого коридора. Несколько минут ничего не происходило, потом из настроенной на приём рации раздался шипящий звук, и в стену ударили лазерные лучи, прилетевшие из коридора.

Боевики БРТО пробежали чуть вперёд и рассыпались по рекреации, выбрав из задач конвоя и отражения атаки более приоритетную. Не то чтобы мебель и декор давали защиту от лазеров, зато они резко снижали заметность. Конвоир пригнул пленникам головы и грубо пихнул их за кресло.

— Сэр?.. Командор Лестер? Командор?

Стволы бластерных винтовок уставились на главный вход в лабораторный комплекс. Кто бы ни приближался, Меченый явно проиграл схватку, причём быстро. А раз так, то следовало отнестись ко вторжению со всей серьёзностью.

Первой сориентировалась Элен, которая тихо прошептала на ухо Виктору:

— Хватай свою лошадку и бежим.

— Но...

— Или ты хочешь узнать, кто или что сюда вломилось? Это наш шанс.

— Наш? — переспросил Виктор, — Мне показалось, что ты верна шефу до конца.

Он всё ещё испытывал смешанные чувства. Дед расписывал свою знакомую из БРТО как волевою девушку, которая не любит несправедливость, но до сего момента видел лишь очередную служащую корпорации, даже не возразившую, когда любимый начальник приговорил её к смерти.

— Они могут меня разжаловать, уволить, засудить... — процедила сквозь зубы Элен Флаис, — я пойму даже желание убрать лишних свидетелей, хотя и не сдамся без боя. Но заменить меня как какую-нибудь гайку я не позволю.

— Кстати о гайках, — подала голос Лира, — кто-нибудь может снять эту штуку с моего рога?

— А ну стоять, — грубо оборвал их голос спецназовца, — «Наш шанс», «бежим»! Это в кино вся охрана — кретины, но не здесь. Впрочем, за командора уже не скажу...

За время этой немногословной отповеди корпорант успел выкрутить мощность бластера на минимум. В следующие несколько мгновений он ловко приварил браслеты и бронеперчатку к стене. Проблема возникла лишь с Лирой, у которой единственным средством ограничения свободы была та самая злополучная гайка. Спецназовец не придумал ничего лучше, кроме как неаккуратно приварить её к выступу стены, намертво закрепив на роге.

Лира, у которой к покалыванию замкнувшей «магии» добавилась обжигающая боль от раскалившегося металла, почувствовала, как по щекам вновь покатились слёзы боли и унижения.

— Что Вы делаете?! — возмутился было Виктор, — Ей же больно!

Стоя боком к стене, единорожка тут же теряла половину обзора из-за технологического выступа, и в этой неудобной позе её и оставили. С другой стороны, людям сидеть на корточках позади широченного кресла было ничуть не удобнее.

— Никуда не уходите, — оскалился корпорант, проигнорировав и парня, и понячьи всхлипывания, — Мы быстренько.

— Непременно уйдём, чёрт возьми, — пробубнил Джерри из подвешенной за бронепластину перчатки, голосом, отдающим не то мрачной иронией, не то мрачной решимостью.

Но человек уже не слушал, отдавая приказы:

— Так, ладно. Ты и ты, готовьте шоковые. А то газом мы и этих потравим. В лабораторном блоке — никаких взрывов. Вперёд.

Спецназ скрылся из виду, оставив прикованных пленников. В повисшей тишине стало слышно, как всхлипывает Лира.

— ...Виктор, — вдруг тихо позвали искажённым динамиками голосом.

Парень начал оглядываться, но голос пояснил:

— Я внизу.

Виктор опустил взгляд и увидел, как от стены отделился мерцающий силуэт Гайки. Стелс-костюм был активирован и, лишь приглядевшись, можно было различить очертания.

— Расслабься и не двигайся.

Вик увидел, как мышка взбирается по его одежде: вблизи, действие костюма было намного более заметным из-за эффектов объёма и светотени. Добравшись до браслета, Гайка принялась срезать его со стены.

Дело шло медленно. Всё-таки, мощности миниатюрного бластера здесь явно не хватало. Металл нагрелся, но не слишком сильно: маломощный лазер воздействовал точечно.

— Спасибо, Гаечка, — улыбнулся парень, отцепившись, наконец, от наручников, — А у тебя, часом, нет камуфляжных костюмов и для нас?

— Тебе не кажется, что сейчас неподходящая ситуация для шуток? — серьёзным голосом осведомилась мышка и занялась наручниками Элен, — Тем более, такие костюмы для кого-то размером больше меня крайне малоэффективны.

— Это ты выключила питание? — спросила та, как только руки стали свободны.

— Нет. Это, похоже, был тот псих, что ломился сквозь защитные системы. Причём это тоже кто-то из «своих»: он знал, что делает, и у него едва ли было больше секунды до переключения на резервный генератор, но он справился.

— Ох... — хором выдохнули люди, а Лира спросила:

— Что за псих?

— Ещё один судья. Уходите отсюда. Кейс уже не вернуть, но вот две копии граждан Белого города, один из которых к тому же — член совета директоров БРТО, ещё могут наделать шума, если останутся в живых.

— Подожди, а ты разве не пойдёшь с нами? — спросила Лира, вздрогнувшая при воспоминании о жутком синтезе с красными глазами.

— Пойду, — Гайка посмотрела в сторону, откуда всё ещё раздавались звуки перестрелки, — Только отвлеку судью и нагоню вас.

— А мне кто-нибудь поможет? — подала голос пони.

— Сейчас, — сказал уже освобождённый из перчатки Джерри, — Гаечка?

— Иду.

Мышка ловко запрыгнула сперва на спину единорожки, затем на голову. С огорчением увидела, что бледно-зелёные пряди обгорели от грубой работы спецназовца.

— Будет горячо, — предупредила она, снова включая бластер в режиме долгого луча.

Вскоре то, что осталось от гайки, со стуком упало на пол, и единорожка с облегчением испытала прилив «магии», до того впустую проистекающей в пространство при малейшей попытке использования.

— Спасибо, — поблагодарила она усевшуюся у основания гривы мышку, — это было ужасно, с этой штукой...

Рог всё ещё болел от недавнего ожога, и Лира неуместно подумала, что наверняка останется некрасивый след.

— Пустое, — махнула рукой Гайка, — идите скорее уже. Джерри, давай руку.

Мыш, морщась от боли, тоже залез на пони и вдруг оглянулся:

— Элен, можно кое-что спросить?

Девушка посмотрела вниз и спросила:

— Сейчас точно подходящее время?

— Именно сейчас.

— Тогда я слушаю.

— На чьей ты стороне теперь?

Собеседница ответила не сразу:

— Теперь я хочу разобраться. Во всём. Вопреки расхожему мнению, даже для корпоранта есть вещи, которые не продаются. И в первую очередь это верность компании. Но многие забывают, что компания — это люди. Твоя команда. И если относиться к ним как к заменяемым деталям, то предатель дела именно Оуэнс, а не я.

— А если он не захочет говорить?

Уголки идеально очерченных губ приподнялись.

— С бластером, приставленным к голове? Я не думаю...

Джерри улыбнулся в ответ. Было приятно чувствовать, как неприязнь от первого впечатления постепенно истает.

— Да вы с ума сошли! — взвился Виктор, — В здании же полно охраны! Гайка права, надо срочно уходить!

Элен не смутилась:

— У директорского лифта автономное питание. Поднимемся с ветерком прямиком в приёмную. Одни из дверей — на этом этаже, а мой допуск, надеюсь, ещё не аннулировали. Учитывая то, что они хотят сделать вид, будто ничего не было...

Виктор на секунду задумался, потом спросил:

— А почему ты думаешь, что Оуэнс сам не воспользовался этим лифтом, чтобы сбежать?

— Да с чего ему сбежать? Он полагает, что находится в самом безопасном для него месте.

Кроме того, уходить лучше тоже через приёмную.

Гайка тем временем приподняла забрало шлема, быстро поцеловала Джерри и спрыгнула со спины пони, вновь превращаясь в размытый силуэт.

— Гайка! — воскликнул Джерри и сделал попытку броситься следом, но схватился свободной рукой за грудь и остался на гриве.

— Я не прощаюсь, — раздался голос мышки, — Но не вздумайте высовываться раньше времени. Шеф уже готовится раздувать по своим каналам шумиху в СМИ, но до того, как она наберёт обороты, успеет пройти неделя. И не делайте глупостей, хорошо? Мы все и без того их порядочно натворили.

Виктор только и сумел, что кивнуть.

Потому что увидел, как Чёрный Спецназ отчаянно палил куда-то в коридор. По мнению парня, в таком плотном огне мог уцелеть разве что мегадесантник в осадной броне марки «Дредноут» или нечто похожее. Коридор, в котором вряд ли было, где спрятаться, должен был очень быстро стать могилой для любого, кто попал под огонь Чёрного Спецназа БРТО...

Виктор попятился, когда осознал, с кем они ведут такую отчаянную схватку.

Враг был один. Но двигался с такой быстротой, что никто не мог попасть в него даже беглым огнём.

Отталкиваясь от стен и даже потолка, словно чёрная тень, на позиции корпорантов выскочил из-за угла судья Рок.

Обострившаяся из-за опасности интуиция подсказывала, что это тот самый судья Рок, который получил от него луч прямо в сердце. Случайно, надо признать, но парень даже подумать не мог, что гуманоидный синтез может выжить после такого. Он не мог этого знать, но многие модели, носившие статус полубоевых, имели небольшое вспомогательное сердце. В штатном режиме оно давало хороший плюс к выносливости синтеза. А в экстренных случаях могло заменить основное сердце, гоня кровь между лёгкими, мозгом и печенью, пока улучшенный организм занят экстренной регенерацией повреждённых тканей.

Джерри про себя благословил решение оставить Скуталу на ранчо. В очередной раз. И только подивился, какие адские живые машины могли выходить из лабораторий БРТО.

Рок, после столкновения с охраной и Меченым, казался существом из ночных кошмаров. Окровавленный, местами опалённый близкими лазерными лучами. Неоднократно раненый, но продолжающий биться. Казалось, такая мелочь, как шоковые гранаты, его вообще не волновала.

Ему противостоял целый отряд, но Рок не церемонился.

В его руках мелькал тяжёлый бластер, щедро одаривающий Чёрный Спецназ яркими лучами. После каждого выстрела судьи кто-то падал.

Сам же синтез, двигаясь «маятником», нечеловечески лихо уворачивался от красных вспышек бластерных винтовок.

Тем не менее, несколько зарядов, выпущенных боевиками, всё же достигли цели, насквозь пробив руку и грудь судьи. Но тот лишь усмехнулся и ловко перебросил пистолет в другую руку.

— Вставшие на пути правосудия да падут! — искажённым голосом прохрипел истекающий кровью синтез, пристреливая последних спецназовцев двумя меткими выстрелами, — Я — Рок! Я — Судьба!

Тонкий красный луч полоснул судью прямо по лицу. Будь это боевой бластер — лежать синтезу на полу с половиной черепа. Но этот был столь маломощен, что лишь прожёл кожу лица. Рок взвыл и яростно выпалил заряд в юркий расплывчатый силуэт, что с умопомрачительной скоростью носился вокруг.

Гайка тем временем кружила по залу неуловимой тенью, огрызающейся тонким жгучим лучом. Судья больше не давал застать себя врасплох, но и мышка не поддавалась, всё больше уводя судью в сторону, противоположную той, где за углом рекреации сидели бывшие пленники.

Судья не заметил их. Виктор подумал, что не уведи Гайка судью Рока в другую сторону, тот наверняка бы напоролся на беглецов, и уж теперь-то ему ничто не помешало бы расправиться со всеми.

— Ну сделайте что-нибудь, — прошептал Джерри, — Он же её убьёт...

— Не думаю, — отозвалась Элен, — У неё наверняка есть план получше.

— Так что же, будем просто смотреть? — поддержала мыша Лира, — Мы можем помочь.

— Лучшее, что мы можем сделать — не лезть под руку со своей самостоятельностью, — возразила девушка, — Никогда не мешай работе специалиста. Одно из золотых правил бизнеса.

Виктор хотел было не согласиться, но подумал, что логика не на его стороне, и промолчал.

Действительно, Гайка, кружа вокруг судьи, вдруг скользнула в приоткрытую дверь лабораторного бокса.

— Вот видишь, — улыбнулась Элен, — Она сейчас его заманит туда и сожжёт...

* * *

Дверь бокса под номером восемь с шипением захлопнулась, и замок мигнул красным огнём блокировки. Теперь открыть его можно было только снаружи.

— Вот ты и попалась! — выпалил судья, наводя на Гайку бластер.

Тяжёлый пистолет устоял на мышку, но та улыбнулась и ответила:

— Здесь отражающий микрослой. Даже если попадёшь в меня, будет сквозное попадание, лазер отразится от стен и устроит тут дискотеку смерти.

Рок покрутил бластер на пальце и спрятал в кармане драного плаща. Красные глаза синтета горели безумием, но дураком тот не стал даже после критического сбоя поведенческой программы.

— Мне не нужно оружие, чтобы раздавить такое насекомое как ты.

— Ты можешь, по крайней мере, выслушать.

— И что тебе надо? — осведомился судья, делая первый шаг вперёд.

Гайка мысленно уже прикинула, как увернётся от попытки захвата, и проговорила:

— Чтобы ты остановился. Ты не ведаешь, что творишь. Ты ведёшь себя как ребёнок, который отрывает крылья стрекозе.

— Правосудие...

— И к чему привели твои попытки следовать пути закона? К десяткам, если не сотням трупов людей и синтетов, которым всего лишь не повезло оказаться на твоём пути? Что лично тебе сделали Лира, Скуталу и Джерри? Что тебе в их смерти?

— Выполненное задание, — в алых глазах Рока блеснуло безумие.

— И для кого?

— Для кого что?

— Для кого это задание?

— Для компании!

— Сейчас мы находимся в офисе БРТО, ты убиваешь сотрудников корпорации и сам выступаешь против того закона, который обязан хранить. Остановись. Всё кончено.

Руки судьи затряслись, а красные глаза вспыхнули двумя алыми огнями.

Гайка даже не успела заметить молниеносное движение, когда синтез оказался рядом и схватил её рукой, до хруста сдавив маленькое тело.

— Всё закончится только тогда, когда я скажу! — зарычал синтез, — Я — закон! Я — выше закона! Я — Рок!

Гайка, после случая с Дэш Вендар уверовавшая в силу убеждения, вдруг поняла, какую ошибку совершила.

В отличие от радужной пегаски, судья Рок вовсе не был добрым существом, доведённым до ручки жестоким обращением. Его специально таким создали...

...Виктор, Лира, Элен и Джерри не слышали, о чём говорят Рок и Гайка.

Единорожка вдруг спросила:

— А с какой стороны включается очистка?

— Дурацкий вопрос... с внешней, разумеется, — машинально ответила директор по развитию, — Вон пульт.

Джерри, не сводящий глаз с экрана, транслировавшего наружу происходящее в боксе, встрепенулся, когда судья схватил мышку.

На мультяшной мордочке отразился весь ужас от осознания того, в чьих руках оказалась Гайка. Мышка, морщась от боли, оглянулась и показала рукой на пульт управления.

— Нет... — пробормотал Джерри.

Гайка, видимо, прочла по губам, потому что нахмурилась и ещё решительнее показала в ту же сторону.

Рок же мерзко усмехнулся, показывая зажатую в руке мышку и демонстративно сжимая кулак посильнее. Гайка болезненно выгнулась, но судья держал крепко.

— А звук тут есть? — спросил Джерри, — Ей же нужна помощь!

Тонкие пальцы с холёными ногтями тронули несколько сенсоров на панели управления, и послышались голоса:

— ...пока ты здесь, — донёсся отрывок фразы Рока, обращавшегося к Гайке.

Та сдавленным голосом прохрипела, обращаясь явно не к нему:

— Во имя всего святого, кто-нибудь, включите очистку!

— Должен быть другой способ! — возразила Лира. Бледно-зелёные ушки прижались к голове.

— Если знаешь его, я вся внимание. Только не предлагай ему поверить и выпустить. В прошлый раз, как я поняла, вы одолели его по чистой случайности.

— Только не она.

У Виктора сердце сжалось от бессилия, когда он увидел переполнившиеся отчаянием глаза Джерри.

— Я сделаю это, — заявила Элен, но неожиданно чуть не упала, когда ей под ноги бросился мыш. Несмотря на сломанные рёбра, двигался маленький синтез удивительно быстро:

— Нет! — крикнул он, — Я не позволю!

Маленькая девушка протянула руку и подняла Джерри.

— Если я этого не сделаю, этот психический прорвётся наружу и убьёт всех. И Гаечку он не пощадит, будь уверен.

Послышался голос судьи, доносящийся из динамиков:

— Мне не нужна эта мышь. Мне не нужен никто из вас, кроме кейса и организатора преступления. Так и быть, можете быть спокойными даже за своих лошадей. Я сегодня добрый и могу ограничиться лишь «Ключом» и главным виновником.

Повисло молчание. Открыв дверь, всем придётся полагаться лишь на слово съехавшего с катушек синтета.

В голосе Джерри слышалась ирония, слабо скрывающая отчаяние.

— То, как этот псих убивает Ричарда Оуэнса лишь затем, чтобы взять чемоданчик и вернуть ему же, было бы незабываемым зрелищем...

Судья, видимо решивший, что его добыча колеблется, сказал:

— Откройте дверь, или я начну отрывать вашей мышке лапки.

На Джерри стало жалко смотреть. Лира беззвучно плакала и не находила слов, Виктор отвёл глаза, не в силах видеть выражение мордочки мыша.

Тот прикрыл глаза.

— Позволь мне... — начала Элен, но Виктор взял её за руку.

Но прежде, чем парень успел что-то сказать, подал голос Джерри:

— Нет. Я сам. Поднеси меня к пульта.

Закалённая в безжалостном мире денег бизнес-леди вдруг поняла всё. А также то, что не в силах позволить мышу дотянуться до мерцающего красного сенсора.

— Считаю до трёх, — напомнил о себе судья, — Раз.

Гайка, руку которой судья уже сжал до хруста, взглянула на Джерри и прошептала:

— Прости, что обманула...

Мыш вдруг почувствовал, что человеческая ладонь его больше не держит. Он оглянулся и увидел, что рог Леры светится бледным светом. Из зажмуренных глаз единорожки лились слёзы. Окутанный сиянием телекинеза, мыш взлетел и завис прямо перед пультом.

Голубой сенсор открытия дверей находился здесь же, недалеко от опломбированного красного, что включал в боксе плазменный ад.

— Два, — сказал тем временем судья.

Джерри, не без труда отогнув пломбу, бросил взгляд на экран, заменявший окно, и в последний раз посмотрел в добрые голубые глаза. В сердце будто воткнули ледяную иглу.

Снова.

— Три! — крикнул судья.

Одновременно с этим маленький кулачок со всей силы ударил по красному сенсору.

В следующий миг содержимое бокса под номером восемь перестало существовать.

Это не было похоже на огонь, не было похоже и на выстрел. Просто и судья, и Гайка, и вообще всё содержимое бокса неожиданно утонуло в белом свете, тут же сменившемся на синюю строчку «НЕТ СИГНАЛА».

Жара, сопоставимого с температурой поверхности Солнца, никто из стоящих снаружи не почувствовал. Термоизоляция боксов могла выдержать и взрыв плазменной бомбы, что, впрочем, было близко к происходящему внутри. Ничто не могло уцелеть.

Лира опустила Джерри на пол, и тот бессильно сел, ссутулившись и закрыв руками мордочку.

Единорожка, шмыгнув носом, подошла и наклонила голову.

— Джерри... — позвала она.

— Не надо, Лира, — глухо отозвался мыш, — Ничего не говори.

— Мы заставим корпорантов заплатить по счетам, Джерри, — сказал Вик.

— Без этого судья бы вышел и убил нас всех, — добавила Элен, — И смерть Гайки оказалась бы напрасной.

Но мыш не слушал. Перед его взором всё ещё стояли огромные голубые глаза, исчезнувшие во вспышке плазмы.

Ли́ра сочувственно ткнула мордочкой в спину Джерри. Тот обернулся. Ли́ра в первый раз видела, чтобы старый мыш давал волю чувствам. Но из его глаз действительно катились скупые слёзы много повидавшего, не умеющего плакать мужчины.

— Джерри, нам пора, — позвал Виктор, чувствуя, как сжимается сердце, — В любой момент сюда явится...

— Плевать.

— Джерри, — сказала Ли́ра, — Гайка поступила так, чтобы защитить всех нас, она сделала это ради тебя.

— И теперь её больше нет, — отрезал мыш надломленным голосом, — её больше нет из-за меня! Из-за этого проклятого кейса, той, кого я любил, больше нет! Я, я убил её!..

Давно, много лет назад, Джерри смирился с потерей. За почти двадцать лет он научился с этим жить, но появление Гайки пробудило заснувшие было навсегда чувства.

А Элен вдруг поняла, что просто не знает, что можно сказать в такой ситуации. А поняв это, почувствовала ужас оттого, что, возможно, и впрямь является искусственным существом, неспособным на настоящие эмоции...

— Джерри, — снова заговорила Ли́ра, и когда взгляд мыша вновь обрёл осмысленность, сказала, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо: — Ты не можешь сдать прямо сейчас. Помни, что Скуталу откроет глаза на ранчо и захочет увидеть тебя, чтобы ты улыбнулся и сказал ей, что теперь всё будет хорошо. Тебя, кому она безоговорочно верит, и будет верить всегда. Не бросай её.

Единорожка понимала, что напропалую врёт. Никто из них больше не сможет вернуться на ранчо, если не хочет окончательно погубить с таким трудом воссозданный уголок Эквестрии в здешнем неприветливом мире. Однако если мыш не сможет уцепиться за соломинку, то перестанет жить здесь и сейчас. Существование, возможно, и продолжится, но жизнь — окончится.

Джерри встал, молча подошёл к Лире и, морщась от боли, залез на спину спешно присевшей пони.

— Пошли, — сказал он отсутствующим голосом. В нём больше не было отчаяния. В нём не было вообще ничего.

Люди синхронно вздохнули, а Ли́ра, изо всех сил стараясь не разреветься, поднялась и зацокала к лестнице.

За гриву цеплялись пальцы Джерри, и единорожка находила в себе силы казаться уверенной, хотя сердце разрывалось от скорби и сочувствия.

И было хорошо, что мыш не мог видеть заполненных слезами золотистых глаз...

* * *

Ричард Оуэнс, с гордостью носивший имя основателя компании более восьмидесяти лет, нетерпеливо ходил по тёмной комнате взад-вперёд.

Наконец, терпение президента БРТО лопнуло, и он поднял руку с коммуникатором.

— Лестер, что там происходит?

Никакого ответа не последовало.

— Меченый, ты меня слышишь? — снова спросил Оуэнс, — Отвечай!

— Он не сможет ответить, — раздался голос Элен Флаис.

Комната осветилась бледно-зелёным светом, что исходил от рога пони-синтета.

— Что?!

— Он погиб, — сказал Виктор, — Как и весь его отряд. От рук твоего же творения, судьи Рока.

Мистер Оуэнс быстро совладал с собой и, скрестив руки на груди, сел на письменный стол.

— Опять вы, детишки, — сказал он, — Что вас вновь привело ко мне?

— Ответы, — хором ответили Лира и бывшая директор по развитию.

— Что заставляет вас думать, что я отвечу?

Люди держали в руках бластерные винтовки, очевидно, взятые с трупов боевиков. В этом Оуэнс

не сомневался. На единорожке по-прежнему сидел мультяшный мыш, правда, на мордочке его было отрешённое выражение, будто он целиком погрузился в себя.

Два воронёных ствола уставились на Оуэнса. Теперь его не могли защитить никакие деньги.

— Окей, спрашивайте, — решил уступить президент БРТО.

В его жизни было множество вещей, которые не хотелось терять, погибнув из чувства глупой гордости. Однако и рассказывать что-либо он не то чтобы рвался.

— Что такое «Оверлорд»? — спросил Виктор.

Ричард Оуэнс посмотрел на него. В голове прокрутились возможные варианты развития событий.

Флаер им не угнать: на верхней площадке они настолько защищены, что без спросу их можно взять, лишь имея допуск глобальных спецслужб. А внизу... внизу, не дождавшись штатного ответа от постов охраны, скоро появится куча спецназа.

Другое дело, что мистер Оуэнс за долгие годы своей карьеры давно уже разучился столь филигранно лгать, как умел в её начале. Для таких целей у него теперь имелась целая пресс-служба, освобождавшая его от этого утомительного занятия, да и круг его общения был достаточно узок для того, чтобы оставаться откровенным.

Но сейчас ему необходимо было тянуть время до прибытия безопасников. Главное теперь успокоиться, грубостью навязать диалог и попытаться сначала изложить наименее ценные сведения...

— Ваша взяла, — сказал президент БРТО, — «Оверлорд» — это разновидность поведенческой программы.

— Чьей? — спросила Элен.

— Универсальной.

— Для синтетов? — уточнил Виктор, но собеседник только выразительно поднял бровь, будто призывая вспомнить прошлый разговор.

— Это нелогично, — продолжила рассуждать девушка, — Если у БРТО есть такая программа, если каждый житель Шпилей — синтет, на кой дьявол понадобились другие синтеты?

— Всё просто. Технология. Обкатав поведенческие программы на тех, кого ныне считают синтетами, мы постепенно разработали принципы их передачи по наследству. «Ключом Жизни».

Виктор вздрогнул.

— Но почему? — вдруг подала голос Лира, пока люди переваривали информацию, — Зачем Вы это делаете? Почему не дать синтетам жить так, как им нравится?

Мистер Оуэнс, почувствовавший себя в своей стихии, сдержанно рассмеялся:

— Милая... эм... леди, Ваш вопрос немножечко не по теме. Начнём с того, что такое понятие, как «свобода воли», для Вас официально отсутствует. То, что Вы считаете собственным выбором, было прописано в Вашей подкорке в биоцентре, где Вы были выращены, и любое отклонение классифицируется как сбой программы. Впрочем, это хорошо объясняет отсутствие у синтетов законодательно закреплённых гражданских прав. Что же до, скажем так, неофициальной точки зрения, то главный аргумент против освобождения искусственных существ — это удобство. Мы поработаем, насилуем и режем их, потому что желаем этого. Потому что у нас есть для этого подходящие устройства и потому что они не могут дать нам отпор. Вседозволенность — давнишняя мечта человечества. И превосходно продающийся товар. Спрос, порождающий предложение.

Огонёк на роге пони загорелся ярче, а в голосе послышались нотки протеста:

— Но мы же живые! Как же можно так...

— Я Вас, вероятно, разочарую, но всем наплевать, — сказал Оуэнс, — Людям издревле было плевать на всё, что находится вне зоны их комфорта. Голод в других странах? Но ведь не у нас. Нет работы у миллионов? А у меня есть. Всегда так было и будет.

Лира вдруг взвилась на дыбы и громко стукнула копытцами об пол.

— Нет! — почти крикнула она, — Есть вещи, которые сильнее безразличия! Сильнее любого зла!

Мистер Оуэнс сложил руки лодочкой и обвёл взглядом собравшихся в его кабинете синтетов и людей.

— А ты что скажешь, моя дорогая Элен? — спросил он.

— А я скажу, что у меня руки чешутся тебя пристрелить, шеф. Как снимается копия с воспоминаний? Почему я помню свою жизнь, если я — резервная копия?

— Да уж, — поддержал Виктор, — я не представляю, как это вообще возможно.

— Ну же, не будьте детьми. Вы же живёте в Белом городе, там кругом — электроника, сложные системы, в которых вы не разбираетесь, верно? Нейросканеры стоят везде в Шпилях. И считывают информацию в режиме онлайн, пока вы дома. А так как дома вы как минимум спите... Мне продолжать?

— Но зачем всё это? — спросил Виктор, но ответила ему Элен:

— Всё просто. Магнаты вроде него с девятнадцатого века хотели контролировать всё и вся. И теперь у них появились инструменты.

— Да, корпорации с девятнадцатого века стали контролировать всё, — вставил Оуэнс.

Подала голос пони:

— Мы расскажем всем!

— Зачем? И главное, что? — спросил мистер Оуэнс.

— Затем... затем, что так нельзя! Это... ужасно!

— Получается, и я не имею права на чувства? — встряла Элен, — я же тоже синтет, как недавно тут было сказано? И Виктор?

— Ну да, — Оуэнс подтвердил это как само собой разумеющееся, — ваша имитация просто совершенна, но она — имитация. Процесс обкатали на таких вот, как эти.

Презрительный кивок в сторону мыша и пони заставил слёзы снова беззвучно политься из глаз единорожки.

— Вы что, провоцируете сбой программы? — спросил вдруг Виктор, — Лира — живее всех живых и куда добрее и человечнее большинства людей!

— Знаю. Её сделали такой в моей компании, мальчик из пробирки. Как и тебя.

— Я всё больше склоняюсь к идее «рассказать всем», — сквозь зубы процедила Элен Флаис, — Например, на пресс-конференции.

Виктор бросил взгляд на чёрный кейс, что всё ещё лежал на столе президента БРТО. Эта тайна уже унесла жизни многих живых существ, и неизвестно, скольким ещё предстоит пополнить

этот скорбный список.

— Вам никто не поверит, — сказал хозяин жизни.

— Поверят, — сказал Виктор, в груди которого разливался гнев, — В этом чемодане все данные. «Оверлорд», «Ключ жизни»... Может, и ещё что найдётся. Уверен, спецслужбы смогут вскрыть всё это.

Оуэнс не подал вида, но от молчавшего до сих пор Джерри не ускользнуло, как дёрнулся глаз президента БРТО.

Тот, чувствуя шах и угрозу мата в партии, решил снизить градус цинизма:

— Дорогие мои, вы серьёзно? Вы хоть представляете, что будет с биржей после подобного заявления?

— Прекрасно представляю, мистер Оуэнс. Я же всё-таки директор по развитию.

— Ненадолго. Я Вас уволю.

— Это как нельзя более ясно укажет на ваше желание замести следы и правдивость моих утверждений. К тому же, для этого ещё надо остаться в живых.

Ствол винтовки выразительно качнулся. Впервые на лице Ричарда Оуэнса появилось тщательно скрываемое за улыбкой беспокойство.

— Так, давайте не будем горячиться, — сказал он, — Зачем вам всё это? Вы обрушите всё, что мы строили даже не годы, а десятилетия. Последствия будут абсолютно непредсказуемы. Вы отдаёте себе в этом отчёт?

— Более чем.

— Элен, Вы были гордостью корпорации, — продолжал Оуэнс, — Вы не задавали вопросов, не касающихся развития рынков. Что изменилось?

Директор по развитию обворожительно улыбнулась.

— Изменилось... кое-что. Когда Вы подарили мне Цицерона.

— Дракона? То есть вам его что, мало? Хорошо. Это, конечно, граничит с бредом, но...

— Всё изменилось, когда я нашла исцарапанную когтем стену, где была поэма в мою честь, мистер Оуэнс.

Президент БРТО не сразу осмыслил сказанное:

— Он... То есть Вы... что? Серьёзно? То есть Вы меня пытаетесь убедить в том, что эта ящерица нацарапала что-то на стене, и Вы резко начали симпатизировать синтетам? Да пóлно, дорогая моя. Могли бы придумать историю получше.

— Ещё была ревность к аэромобилю... Помните, тот спортивный флаер, что предоставила мне в качестве бонуса корпорация? Так вот, он его уничтожил. Разворотил в хлам. Из ревности, что я полечу на машине, а не на нём. А недавно ко мне заявились Вик и Лира. И рассказали мне куда больше, чем я ожидала.

— Синтет, ревнующий к машине? Влюблённая парочка из извращенца и пони, похитившая собственность корпорации? Мисс Флаис, какую нелепицу Вы мне ещё расскажете, только бы не говорить настоящей причины?

— Деньги? Мистер Оуэнс, денег мне хватит на всю жизнь, даже если я брошу всё прямо сейчас. Признаться, я уже не знаю, на что их тратить. Я могу позволить себе армию драконов, собственный остров и стратокрейсер, чтобы летать по магазинам. Дело совершенно не в этом.

— Если не деньги, то власть, а если не власть, то деньги. Жизнь вертится исключительно на этих двух понятиях, и кому как не вам об этом знать.

Элен продолжала улыбаться, несмотря ни на что. В этот момент Виктор просто залюбовался ей, настолько уверенной и прекрасной выглядела директор по развитию.

— Сказать по правде, меня всегда воротило с этого.

— Бросать дело, рушить компанию... — сокрушённо проговорил Оуэнс, — да что там, Вы собираетесь пошатнуть весь жизненный уклад Гигаполисов. Ради чего? Абстрактных идеалов? Чувств синтета?.. Бред какой-то.

Совладавшая с собой Лира снова вмешалась в спор:

— Вам не понять. Вас интересуют только деньги. Именно поэтому магия дружбы сильнее.

Внезапно, от этих слов Оуэнс будто сразу постарел на десять лет. Даже из голоса пропали нотки уверенного в себе хозяина жизни:

— Ради магии, значит... Ну-ну, каждому своё. Вы верите во всю эту чушь про дружбу и в то, что

лучшее завтра образуется само собой. Я понимаю это, хотя и не могу принять. Однако подумайте вот о чём. Открыв этот ящик Пандоры, я, Вы, да и вообще все, кто находятся в этой комнате, умрут. Умрут не в своей постели от старости, а умрут насильственной смертью. Возможно, твоего любимого дракончика тоже убьют. Хотя почему это «возможно»? Убьют, конечно же убьют. А теперь ответь мне на один вопрос: эта ваша «правда» стоит того?

— С чего это нас вдруг убьют?

Президент БРТО вздохнул. Что ж, в конце концов, весь разговор шёл к этому. Раз уж часть правды он выболтал — то почему бы не дойти до конца? Была в этом какая-то извращённая эстетика падения.

— Окей, — сказал Оуэнс, — карты на стол. Раз вопрос стоит настолько серьёзно, а вы, детишки, настроились решительно, будем считать, что вам временно предоставлен доступ «ноль-плюс». Скажете мне сами, как поступить с правдой, прежде чем делать скоропалительные выводы.

— Польщена, — иронично буркнула Элен.

Виктор промолчал и только на мгновение встретился с сияющим взглядом Лиры. Он мог только догадываться, но пони сейчас переполняло чувство момента истины. То самое, которое предшествует решительному шагу навстречу судьбе. Шагу, способному навсегда изменить мир.

— Насколько вам известна история возникновения современного общества? — спросил мистер Оуэнс, — Не отвечайте, это риторический вопрос. Синтетам это знать неоткуда, а в школьной программе об этом упоминается вскользь.

— В конце двадцать первого века было сформировано пять Гигаполисов, — сказала Элен, — остальные населённые пункты были покинуты или переработаны. Десятиллиардное население было сконцентрировано в секторах-кварталах в зависимости от достатка и полезности обществу. Такая система была признана ООН, ставшей впоследствии Глобальной ассамблеей, наиболее эффективной. Крупнейшие корпорации заключили с правительствами ряд договоров об экономическом регулировании и прочем, разделив, таким образом, полномочия и власть.

Оуэнс кивнул:

— Всё верно, дорогая моя. В учебниках почти всегда очень размыт ответ на вопрос, почему всё случилось именно так. Причина проста: ресурсы. Недра были практически истощены ещё тогда. Пищи, питьевой воды и даже достаточно чистого воздуха не хватало на всех, при этом процент отходов был просто непозволительным. То, что могло ещё использоваться, перерабатываться, просто выбрасывалось из-за нерентабельности транспортировки туда, где это действительно было нужно. Не говоря уже о войнах, эпидемиях, природных и техногенных катастрофах. Проект Гигаполисов должен был упорядочить распределение ресурсов, а также дать время экологии планеты восстановиться. Даже свалки на окраинах должны были служить этой цели. Концентрация. Люди, ресурсы, вторичные ресурсы — всё это часть огромного

механизма под названием «Гигаполис». Возможно, был способ всё устроить куда лучше. Но времени на раздумья уже не оставалось.

— Я всё ещё не понимаю, — сказала Лира, — а причём тут синтеты?

Оуэнс улыбнулся фирменной «отеческой» улыбкой, хотя мысленно желал всем присутствующим скорейшей гибели от рук охраны.

— Сейчас я дойду до этого, маленькая пони. После того, как система Гигаполисов заработала, опыт эксплуатации показал расхождение результатов с расчётами. Несмотря на новое распределение ресурсов... да, не смотрите на меня так: и Серый город, и Окраины, где царит, как кажется, полная анархия — это всё было ожидаемо. Но людей слишком много... Хорошо, не только людей, но и синтетов. Десять миллиардов — это неподъемно для нашей планеты.

— Неподъемно, говорите? — вдруг иронически пропел Джерри, — А напомните-ка, кто наводняет планету живыми существами в обход естественного биологического регулирования?

— Ну, ну, куда столько сарказма... Да, это очень резонный довод. Однако ты, мышонок, едва ли представляешь, как работает крупный бизнес. Синтеты, как и любой потенциально сверхпопулярный товар, единожды попав на рынок, уже не смогут с него уйти до тех пор, пока их не вытеснит что-то более совершенное и дешёвое в производстве. Так было с оптроникой. Так было с детскими подгузниками. И потребителей совершенно не будет волновать, кто и какой ценой их выпускает: маховик общества потребления был раскручен задолго до нас. Если мы начнём сокращать объёмы производства или искусственно завышать цены, то со временем нас съедят конкуренты, которые обязательно возникнут, ведь цена на сырьё осталась прежней... Это круговая порука. Нужно или договориться со всеми, что принципиально невозможно, или договориться с немногими и попытаться хоть что-то сделать. К сожалению, практически никто не понимает, или в своей алчности не желает понимать, что дефицит ресурсов при современной экономической модели будет расти вовсе не линейно, а экспоненциально. Это касается даже Глобальной ассамблеи, смотрящей на этот бардак сквозь пальцы, и подобно страусам считающей, что если сунуть голову в песок, то проблема исчезнет. Дьявол, их задачей было регулировать экономические процессы, и что в итоге?

— Так что же Вы предлагаете? Экспансию в космос? — спросил Виктор, но Оуэнс только развёл руками и грустно рассмеялся:

— В космос? Мальчик, да ты представляешь, что значит переправить хотя бы на орбиту одного-единственного человека, не говоря уже о миллиарде? Неважно куда. Луна, Марс, Ганимед, Титан... такие проекты были. Но человечество выбрало порочный путь преимущества биотехнологий, тогда как для преодоления космоса нужна не органическая жизнь, а металл и германий. С другой стороны, практика показала, что технологии — не самая серьёзная проблема. Беда в том, что космос не интересен обществу потребителей. Нам удалось успешно подавить в человеке самоотверженность и жажду высшей цели, поэтому он готов вынести любые лишения здесь, на Земле, но только не лететь основывать колонии на том же Марсе. А времени и ресурсов на тотальное терраформирование до земных условий у нас не было ни раньше, ни тем более сейчас. И как вишенка на тортике, люди слишком неприспособлены к

жизни вне Земли — как минимум те, кто...

Ли́ра, которая чувствовала нарастающий интерес, даже сделала шаг вперёд:

— И Вы что-то придумали, мистер Оуэнс?

— Да. Раз уж мы затронули тему космоса, в ближайшие несколько недель Землю должно покинуть около пяти миллионов человек. На кораблях-ковчегах. Сделать большой виток по Солнечной системе и вернуться.

Пода́ла голос Э́лен:

— Напрашивается вопрос, что будет с девятью миллиардами девятьсот девяносто пятью миллионами, что останутся на Земле.

На лицо Оуэнса вернулась торжествующая улыбка человека, которому позволили рассказать о деле всей жизни. Он даже сам подивился, насколько огромным вдруг стало искушение поделиться сокровенным знанием.

— А вот тут, дорогие мои, вступает в силу то, ради чего мы все здесь собрались. «Ключ Жизни» и «Оверлорд». Началось всё с того, что население так называемых Шпилей за два поколения стало целиком состоять из синтетов. Размножение было с лёгкостью подменено искусственными воспоминаниями, и это послужило для выведения... скажем так, сырья для масштабного эксперимента.

— Не нравится мне, как это звучит, — буркнул Виктор.

Оуэнс не обратил внимания и продолжил:

— Дальше — проще. В ближайшие дни мы прививаем «Ключ Жизни» всем. И тем, кто улетит, и тем, кто останется. Большинство оставшихся на Земле получают «красный» статус чипов и благополучно вымрут в течение лет ста. Те массивы данных, что вы нашли — это часть кода активации. Проблема в том, что эти данные строго персональны, и вводиться должны как можно более одновременно: многомесячная передача со всех трансляторов корпорации недекодируемого сигнала, адресованного непонятно кому и зачем — это, согласитесь, крайне подозрительно. Поэтому резко встаёт проблема пропускной способности... Ну да мы отвлеклись. Именно так будет выглядеть закат потребительского склада ума. Тихо и спокойно. Рассматривался вариант глобального ЭМП-заряда, что отключит в Гигаполисах энергию, вирусной атаки... Решили отказаться — слишком много побочных эффектов.

— Это бред, — решительно заявила Элен Флаис, — Склад ума задаётся воспитанием, а не при рождении. Да и более того, вы правда полагаете, что отбытие этих ваших ковчегов пройдёт незамеченным? Что, никто не сможет сложить два и два и увязать их с невозможностью иметь

детей? Вы расколете общество на два неравных лагеря, один из которых в слепой ярости уничтожит другой. А затем вымрет сам. А напоследок наверняка зашвырнёт вам вдогонку весь термоядерный арсенал планетарной обороны. Я бы так и сделала, например.

— Нет, дорогая Элен, это не бред. Не забывайте, что «Ключ» — это лишь часть плана. Вторая часть — это «Оверлорд». Как я уже говорил, это разновидность поведенческой программы, влияющей на подсознание. На синтетах было обкатано несколько типов программ, способных обеспечить нужный нам результат. Прямой контроль сознания выявил целый ряд дефектов, чинить которые уже нет времени. Ограничение умственных способностей, как у тех же покемонов, резко снижает ценность таких индивидуумов и низводит их практически до животного статуса. Система импринтингов или подавления воли, тестируемая на неко-рабах и им подобных, тоже имеет недостаток: при долгом отсутствии предмета воздыхания начинаются психологические проблемы, депрессия и тому подобное. Нужную систему искали очень долго. Экспериментировали и так, и эдак, заодно заработали на инфантильных потребителях, что давно хотели оживить свои игрушки и мультики. В ряде случаев даже окупили все расходы. Гладиаторы, обслуга, покемоны, пони, секс-рабы и ещё пара видов — это стало просто золотым дном.

— Нашли? — спросила Лира.

— Да, — кивнул человек, — ещё не догадалась, что?

Пони замотала головой, и Оуэнс пояснил:

— Вы, мои маленькие милые пони. Ваша, — он сделал пальцами кавычки, — «магия дружбы».

Виктор заметил, как уши Лире прижались к голове.

— Ну и причём тут продукция «Хасбро»? — спросила Элен.

— А думаете, сериал обрёл такую популярность случайно? По совпадению он восстал из праха более чем столетнего забвения и заполонил киберсеть? Нет. Как, впрочем, и все остальные. Было просчитано, что именно разделяющий провозглашаемые в сериале идеалы социум благодушно воспримет вернувшихся со звёзд изгнанников, сохранив в целости земную инфраструктуру. Именно отношение к так называемой «магии дружбы» станет основным критерием, по которому будет происходить бессознательное разделение на носителей «красного» и «зелёного» Ключей. А сам отбор начнётся только лишь через поколение: те, на кого непосредственно будет влиять «Оверлорд», ещё не были рождены. В них будут подсознательно вложены набор талантов и суперпозиция психотипов. Как там, в песенке? «Это то, что кьютимарка говорит»...

— Кьютимарки у людей?! — воскликнули Лира и Виктор нестройным хором.

— Ну что вы, не так же всё банально. Просто функции в программах. Люди, в один прекрасный

миг осознающие свой талант. Это ведь гораздо лучше, чем полжизни искать себя, а в итоге так и не найти. Нерационально.

— А как же мы? — спросила Лира дрогнувшим голосом, — Мы, пони?.. Да и вообще — синтеты?

— А что вы? — удивился Оуэнс, — вы ведь тоже не сможете размножаться без высокотехнологичного оборудования. В вас больше нет нужды. Доживайте себе свой век, никто не будет мешать. Как знать, может, кто-то избранный заберёт некоторых из вас с собой? В конце концов, спрос на вас остаётся феноменально высоким, так почему бы не продолжить проект? Или возродить ещё раз после возвращения? Будущее покажет.

Пони обессилено опустила на круп и повесила голову.

Этот человек ровным голосом поведал о том, какую чудовищную катастрофу собирается устроить. Приговорить миллиарды жизней к медленному вымиранию. К гибели от голода, вспыхнувших войн и эпидемий, что всегда сопровождали социальные кризисы — эту часть человеческой истории единорожка хоть и вскользь, но успела изучить.

— Самое смешное, — продолжил мистер Оуэнс, — хотя это вовсе не смешно, что подобные меры действительно необходимы. Без контроля, без восстановления экологии и биоресурсов, без, наконец, экспансии — обречены все. А так человечество сохранится. В лице новых, лучших поколений, которые понесут своё знамя к звёздам.

Джерри вспоминал своего малолетнего хозяина, что «ломал» живые игрушки с лёгкостью на сердце, дескать, отец новых купит. Виктор думал о семье, а Элен Флаис просчитывала в уме альтернативы.

Лира же вспомнила лица людей из Гигаполис-оперы, добродушные мордочки пони с ранчо Агилар и злые строки мрачных стихов о Тёмной Башне...

— Нет, — вдруг сказала она, поднимая взгляд на своего создателя.

Все уставились на пони — такой металл вдруг зазвучал в нежном голоске. Никто не мог этого знать, но в рогатой головке пронеслись ассоциации обесточенного, погружённого во мрак здания БРТО с мрачным пророчеством из книги.

— Вы ошибаетесь, мистер Оуэнс, — решительно сказала единорожка, — Магия дружбы — это не контроль. Дружба и любовь — это те вещи, которые нельзя навязать или сделать. И которых среди ваших «избранных» будет столь мало, что те, кто улетят, уже не вернутся прежними. Да, возможно, на Земле всё произойдёт именно так, как Вы говорите. Но ковчеги, которые вернутся... если вернутся, будут содержать в себе не воспетое Вами идеальное общество, а тех, кому плевать на всё, кроме них самих. И именно это станет концом человечества, потому что после возвращения вся ненависть, весь эгоизм и всё безразличие людей приведёт к тому, что не останется никого. Никого! Ни с зелёными ключами, ни с красными, ни с фиолетовыми в

крапинку!

Голос её звенел от напряжения, а рог сиял бледно-зелёным огнём, настолько переполнили маленькую единорожку чувства. Никто, включая Оуэнса, не решился перебить говорившую Лиру, и та продолжила:

— Но к счастью, не все люди такие как Вы. Есть и такие, которые способны ради одной маленькой пони бросить всё и ринуться в полную ненависти клоаку дальних кварталов Серого города. Те, кто ради другого могут пожертвовать жизнью там, где никто не увидит и не узнает. И никто не обвинил бы их в трусости, отступись они от этой жертвы.

Виктор почувствовал, как на сердце потеплело от слов Лир. По её щекам все ещё катились солёные капли, но золотые глаза решительно смотрели прямо на президента БРТО. На создателя. На властелина жизни.

— Если вы сорвёте Исход, гарантированно погибнут все, — сказал тот. Но у пони был готов ответ:

— Вы строите из себя спасителя, мистер Оуэнс, но на самом деле просто хотите быть среди выживших и по-прежнему всем заправлять. Потому что если бы Вы хотели и вправду спасти расу людей, то отправили бы в космос детей, воспитателей и учёных, а не денежных мешков из Белого города. И я... пусть я всего лишь синтет, пусть я и вправду в мире людей всего лишь неделю без малого... Я уверена, что люди, познавшие ценность дружбы, посредством ли пони или ещё как, сделают правильный выбор.

На лице старого человека с молодыми глазами появилось искреннее возмущение пополам с изумлением.

— Я что, похож на диснеевского злодея? С Земли улетят не просто избранные из числа населения. Работа с жителями Шпилей позволит отправить в космос поколение сверхлюдей, эдаких Номо Ludens, как некогда окрестили их фантасты, чистых от телесных заболеваний и душевных пороков. Готовых построить и принять будущее, куда более возвышенное, нежели обитание в огромных муравейниках, полнящихся смертью, социальными болезнями и ядом. Способных на то, что сейчас бы сочли суперсилой из дурацких комиксов прошлого. Пригодных для покорения космоса. И сейчас они уже среди нас, хотя и не знают о своих возможностях. Их способности спят, но когда пройдёт время, «Ключ Жизни» и «Оверлорд» заставят их раскрыть себя полностью. К сожалению, активировать их без изоляции означало бы спровоцировать к ним расовую ненависть такой силы, что проще послать их в стазисе петлять по Солнечной системе, чем ликвидировать последствия здесь. И когда они вернутся, именно ваша понячья дружбамагия и раскрытие талантов прямо в детстве позволит им не озлобиться и построить то, что можно уже с натяжкой назвать настоящим обществом будущего. «Евгеника!» — скажете вы. «Прагматика», — отвечу я.

— Слабовато верится во всё это, — неуверенно возразил Виктор, — Вы сами в этот план никак не вписываетесь.

Оуэнс развёл руками:

— Всё верно. В новом мире ни мне, ни вам не будет места. Мы этого не заслуживаем. Я — потому что совершил чудовищные поступки ради будущего. А вы — потому что готовы лишить человечество этого будущего ради своих игрушек, которые даже не полноценно живые, а просто побочный продукт...

Виктор перехватил рукой ствол лазерной винтовки Элен:

— Не надо, — сказал он, — Так ты только подтвердишь его правоту.

— Полная чушь!..

А президент БРТО будто бы и не слушал:

— Да, сама концепция дружбамагии также далеко не идеальна. В частности, лицемерным отношением к любви... Как там... «особенные друзья», кажется? Но это лучше, чем тот кошмар, что творится в настоящий момент. Да и понятие семьи в классическом понимании устарело лет двести назад, по моему мнению...

Дальнейший диалог прервал искажённый динамиками сильный и низкий голос, раздавшийся от монитора управления внешней дверью приёмной:

— Это Глобальная Служба безопасности. Здание окружено с земли и с воздуха. Вам предлагается немедленно прекратить террористическую деятельность, сдать оружие и отпустить заложников. В противном случае будет предпринят штурм.

— Что? — вскинулась Лира, — Мы не террористы!

— Ну... вот теперь точно приплыли, — подал голос молчавший до сих пор Джерри, — И чего стояли болтали? Могли уже быть на другом конце Гигаполиса.

— А вот и кавалерия... — растерянно протянул мистер Оуэнс.

Появление ГСБшников объясняло отсутствие Чёрного Спецназа, но ситуацию улучшало весьма незначительно. С одной стороны, теперь его жизни почти ничего не угрожало: за убийство заложника всю банду положат на месте и фамилий не спросят. С другой, убрать свидетелей теперь было проблематично. ГСБ — это не муниципальная полиция, что давно уже в кармане корпораций, это серьёзно. И взятки там не берут. Нужно было действовать быстро.

— Подтвердите свою принадлежность! — потребовала Элен, — разместите в заголовке сайта вашего ведомства строку «Ключ Жизни»!

Повисло напряжённое молчание.

— ...Готово, — отозвались с той стороны через несколько минут.

В воздухе зажглась проекция первой страницы сайта ГСБ. По центру строгим шрифтом вместо «Глобальная Служба Безопасности» было написано «Ключ Жизни».

Элен переглянулась с Виктором. Не сговариваясь, они положили оружие на пол.

Уже одно то, что это не Чёрный Спецназ, вселяло уверенность, что уж теперь-то всё точно придёт в норму. Или это давала себя знать усталость?..

Виктор кивнул и присел рядом с Лирой, заглянув поняше в глаза.

— Верь мне, — шепнул он, погладив единорожку по шее, — Теперь всё будет настолько хорошо, насколько вообще возможно.

— Я открываю дверь, — сказала тем временем Элен Флаис в коммуникатор и тронула несколько сенсоров на браслете, — Мы сдаёмся, наш единственный заложник жив.

Замок тяжёлой входной двери, за облицовкой под морёный дуб скрывавший прочнейший композит и даже генератор защитного поля, пиликнул, и по экранчику побежала строка загрузки программы деблокировки.

— Что ж, — сказал Оуэнс, — Свои жизни вы спасли, детишки. Но кое в чём просчитались. После вашего ухода я запущу массивы команд на исполнение, после чего кейс будет уничтожен. И своими заявлениями Вы ничего не докажете.

Внешняя дверь распахнулась, и в приёмную спешно, но без суеты вошли люди в броне с расплывчатыми очертаниями, накрытые маскировочными и защитными полями.

Виктор и Элен подняли руки, не успев ничего ответить. Лира просто легла на пол, а Джерри так и остался на ней сидеть. Опасности для спецназа он даже в принципе не мог представлять.

— Мисс Флаис, — снова подал голос президент БРТО, — Я совсем забыл последнее. Вы уволены.